

КОГДА прошло чуть более года после окончания первой чеченской войны, корреспондентская судьба забросила меня в город Майкоп. После обустройства я вынул свои потрепанные блокноты и принялся искать местные адреса своих чеченских знакомых.

Улица Ветеранов почти сплошь состоит из частных строений. Эдакий оазис тихого сельского житья практически в самом центре города. В аккуратном ряду выровненных как по ниточке домиков этот, нужный мне дом ничем особенным не выделялся. Не скрою, я приготовился обрадоваться. И постучал в ворота...

И НЫНЕ ГИБНУТ

ОТ ОСКОЛКОВ БОЛИ...

АПРЕЛЬ 1996-го

С ЕЛИЗАВЕТОЙ Сергеевной Маракулиной мы познакомились в Чечне, в Ханкале. В одном из уцелевших зданий, рядом со штабом группировки российских войск, жили родственники пропавших без вести наших солдат. Хотя “жили” — это слишком сильно сказано. Наматывая на истрепанные души километры горных чеченских дорог, они существовали в поисках счастья. Счастья видеть и чувствовать рядом с собой близкого человека.

...В послеобеденное время седые, встревоженные, истерзанные неизвест-

ностью солдатские матери собирались у КПП штаба. К ним выходили офицеры из отдела по розыску. Делились новостями, проверенными фактами, расплывчатыми слухами.

Там-то я и познакомился с Елизаветой Сергеевной. Маленькая, трогательно милая, с выбившимися из-под платка седыми волосами, она стояла чуть поодаль, нервно сжимая в руках влажный, измученный платочек.

Уж и не знаю, как мы тогда разговаривали. Да и что, собственно, я мог сказать ей? Я, живой и здоровый, невредимый. И она, с января девяносто пятого практически живущая в Чечне, мыкаю-